Автор: Борис Кагарлицкий

Какие настроения и взгляды сейчас доминируют в американском обществе? На протяжении последних лет жителям США говорили об «исламском терроризме».Так что образ врага за полтора десятилетия более или менее сложился и устоялся. Но тут вдруг появляется новое «большое зло» в лице России, точнее – Владимира Путина. Для голливудского сознания важно, чтобы зло было персонифицировано в конкретном «плохом парне», будь то Саддам Хусейн, или Усама бен Ладен. В этом смысле нынешнее «Исламское государство» - это «неправильные злодеи», у них нет единоличного харизматического вождя.

Единственное, что сейчас уравновешивает и как-то смягчает эффект от потока антироссийской пропаганды, обрушивающегося на обывателя через средства массовой информации, это типичное для американского обывателя отсутствие интереса к внешней политике. К тому же, очень трудно сконцентрировать внимание человека сразу на двух источниках зла.На этом фоне Путин выглядит интереснее, из него можно вылепить образ коварного врага, мечтающего захватить мир. Ну, примерно, как в мультике Пинки и Брейн.

И не забывайте: мышата, ежедневно обсуждающие в мультике, как завоевать планету, конечно, пародийные, но отражают они совершенно реальный стереотип массового американского сознания. Есть некий злодей, мечтающий захватить весь мир. Почему он об этом мечтает, не суть важно. Наверное, просто потому что злодей. Ему противостоят американские хорошие парни, которым просто необходимо контролировать весь мир, чтобы его не захватили парни плохие.

Превращение именно России в новую империю зла привлекательно с точки зрения средств массовой информации и с точки зрения культурной еще и тем, что опирается на

традицию «холодной войны».

Тут сразу же оживились ветераны семидесятых и начала восьмидесятых годов, которые все вспомнили и почувствовали себя снова на коне. И не важно, что тогда между СССР и США борьба шла на уровне двух систем и двух идеологий, тогда как современная Россия ничуть не менее капиталистическая, нежели Америка. Тут не до тонкостей.

Между тем сколько бы мы ни иронизировали относительно странностей американской массовой культуры, нельзя не признать: она отражает определенную политическую линию, которая господствует не только в пропаганде, но и в государственной практике.

Проблема американских политиков не в том, что они не любят Россию - в конце концов, было бы наивно требовать, чтобы иностранные государственные деятели нас любили - а в том, что они категорически не понимают, что у России на самом деле происходит.

Представления людей, принимающих серьезные решения, увы, не сильно отличаются от того, что мы наблюдаем в случае с рядовыми обывателями, замороченными голливудским кинематографом. А это уже новое и весьма опасное явление.

Во времена «холодной войны» можно было штамповать и распространять для массового пользования какие угодно пропагандистские клише про страшный Советский Союз, но аналитика, которой руководствовались серьезные правительственные органы, находилась на высочайшем уровне. Россией, советскими республиками, Восточной Европой, их экономикой, историей, культурой занималось множество кафедр, выходили первоклассные журналы, на исследования и подготовку компетентных кадров не жалели денег и времени.

Причем там прекрасно понимали, что для понимания чужой страны мало просто текущей политической или экономической аналитики, надо исследовать литературу, исторический контекст. Изучение достаточно отдаленного прошлого не менее важно, чем сбор текущей информации, поскольку никогда не знаешь, что и как «выстрелит», где в прошлом обнаруживаются корни дня сегодняшнего. В итоге не только спонсировали прагматическую работу по сбору данных, но и повышали общий уровень знаний - а заодно и общий уровень гуманитарной науки.

Все это ушло в прошлое. Количество исследовательских программ по России и Евразии свелось к минимуму. Финансирование даже не сократилось, а обрушилось. К тому же, изменился состав студентов и аспирантов. Раньше на русские кафедры шли амбициозные молодые люди, которые в перспективе могли найти работу в государственном департаменте, в разведке, в командах ведущих политиков. Русский язык нередко учили экономисты и социологи, которые не собирались заниматься именно нашей страной, но считали это важной частью общего образования. Перспективы академической карьеры на фоне постоянно растущих «русских» программ в университетах тоже выглядели привлекательно.

 Сегодня средние студенты, занимающиеся Россией - это милые парни и девушки,

желающие прочитать Льва Толстого в подлиннике и готовые ради этого пожертвовать карьерными перспективами.

Или наоборот, ребята, настроенные работать по совершенно иным направлениями, но решившие расширить свой кругозор. Что касается изучения, например, Украины или Молдавии, то тут специалистов не готовят вовсе, подобными темами занимаются лишь иммигранты-националисты, часто во втором или третьем поколении - с соответствующими исходными позициями. Другой тип эксперта - люди, связанные с правящими режимами соответствующих стран и вполне сознательно лоббирующие их интересы. Тоже с заранее предсказуемым «научным» результатом.

Советологи старшего поколения - кто умер, а кто отошел от дел. Из них практически единственным – Збигнева Бжезинского оставим в стороне - остался Стивен Коэн, которого сегодня кличут чуть ли ни «агентом Путина». Вина Коэна состоит в том, что он всего-навсего пытается критиковать упрощенные «голливудские» схемы и представления о России, призывая приглядеться к реальным процессам. Увы, это не находит понимания ни среди правящих кругов, ни среди интеллектуалов, за исключением немногочисленных в США левых.

Российский читатель, наталкиваясь на совершенно фантасмагорическую ложь о России, Украине или Новороссии, тиражируемую американскими журналистами или даже политиками, возмущается и негодует. Но тут впору не обижаться, а задуматься: эти высказывания отражают не только отношение к нашей стране за океаном, но и уровень информированности, компетентности и просто культуры американского политического класса. И мировое господство отнюдь не гарантирует высокой политической культуры.

Можно сказать, что американцы оказались такими же жертвами неолиберализма. Университетская интеллигенция, стремящаяся сохранить высокий научный стандарт, находится в глубокой обороне. И дело не только в том, что бюджеты даже весьма престижных организаций безжалостно режутся. Показательна история университета штата Висконсин. Хартия университета предполагает «поиски истины», но действующий губернатор-республиканец Скотт Уокер пытался убрать из документов это положение и заменить его подготовкой кадров для бизнеса. В самом деле, кому сейчас нужна какая-то истина?

Тот же самый губернатор, впрочем, отличился и тем, что отказался от сотен миллионов федеральных денег, выделенных его штату на развитие железных дорог и строительство трамвая. По его мнению, общественный транспорт - это социализм, а социализма в Америке он не потерпит. Да, и, между прочим, Скотт Уокер - сейчас один из лидеров в гонке за номинацию кандидата на пост президента США от республиканцев…

Неудивительно, что лекции, посвященные ситуации в России и на Украине вызывали у академических людей такой же интерес, как рассказ человека, только что вернувшегося из экспедиции на Марс.

Обнаруживался элементарный дефицит источников. И проблема была совершенно не в том, положительно или отрицательно относился к нашей стране тот или иной слушатель - и те и другие признавались, что страдают от катастрофического отсутствия серьезной информации.

Ничем хорошим это для России в ближайшее время не обернется. Барак Обама находится сегодня под давлением крайне жестких и агрессивных политиков - как со стороны республиканцев, так и демократов.

И усиливать нажим они будут независимо от того, каковы окажутся реальные плоды американской политики на российском направлении. Более того, чем менее удовлетворительными будут результаты этого нажима, тем больше он будет усиливаться.

Соединение напористости и некомпетентности, характерное для подобной политики, обрекает нас на эскалацию кризиса.

Рано или поздно, разумеется, наступит перелом. В том числе - и в самом американском обществе, где нарастает не столько протест, сколько недоверие по отношению к политикам. Ко всем политикам вообще, независимо от партийной принадлежности. Так что перемены могут - в итоге - оказаться весьма драматичными. И российская тема может «сыграть» неожиданно, продемонстрировав несостоятельность существующего в США политического класса. Но это будет когда-нибудь потом.

А пока приходится констатировать: прежде, чем станет лучше, сделается гораздо хуже.

Борис Кагарлицкий - директор Института глобализации и социальных движений

source